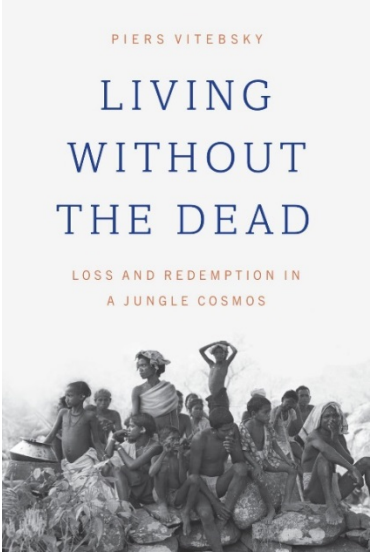
УДК 393(049.32)
DOI: 10.17223/2312461X/31/11

ИЗБЕГАЯ НАЗОЙЛИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Piers Vitebsky. Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 p.
ISBN-13: 978-0-226-47562-2



Писать рецензию на книгу, которая вышла почти 4 года назад, в 2017 г., непростая задача: прошло достаточно времени для того, чтобы издание нашло своего читателя и получила справедливую оценку профессионального сообщества. Усложняет задачу рецензенту и тот факт, что перед ним находится не просто очередная этнография, каких выходит достаточно много (ренессанс антропологии в мире!), а книга совершенного иного уровня.

Книга *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos* – это результат многолетней, если не сказать многодесятилетней, полевой работы живого классика антропологической дисциплины, профессора и руководителя отдела социальных наук в Полярном исследовательском институте Скотта (Кембриджский университет, Великобритания), Пирса Витебского. Учитывая этот контекст, я сомневаюсь, что рецензия должна быть критической. Да и нужно ли это? Я решил сосредоточиться на кратком изложении основной идеи книги и лишь в конце подвести под этим некоторые самые общие замечания.

Начать стоит с того, что книга Пирса Витебского, название которой переводится буквально как *Жизнь без мертвых: потеря и искупление в космосе джунглей* – это логичное продолжение его более ранней *Dialogues with the dead: the discussion of mortality among the Sora of eastern India* (Cambridge University Press), изданной в далеком 1993 г. Как и в прошлой книге, все внимание автора посвящено индийской народности (tribe) – сора (савара, саора, соура, сабара). К моменту написания второй книги Витебский провел более 40 лет полевой работы, изучая это сообщество – первый раз он оказался среди сора в начале 1970-х.

Собственно, в новой книге Пирс Витебский описывает достаточно любопытную историю стремительной трансформации такого архаичного и очень устойчивого элемента жизни любого сообщества, как религиозность и изменения связанных с ней представлений о загробной жизни. В начале 1970-х гг. культура народности сора, проживающей в основном в индийском штате Орисса, была сплошь анимистична. Согласно корпусу мифических текстов, сора происходят от лесных царей и из поколения в поколение являются служителями (дайитас) культа бога Джаганнатха. Несмотря на эту мощную структуру, уже по прошествии 20 лет заметное количество представителей сора перешли в баптизм. Это религиозное обращение привело к серьезным изменениям в их взаимодействии с миром мертвым и взаимоотношениям внутри группы. Что это за изменения? Как они вообще стали возможны и как уживаются с традиционными представлениями? – эти вопросы лежат в основе книги.

Сора в попытках вырваться из власти мертвых

Первое, что описывает нам Пирс Витебский, и делает это виртуозно, это само значение мира мертвых для традиционного сообщества и анимистической культуры сора. Общение с мертвыми, их постоянное присутствие и влияние на мир живых играют определяющую роль для повседневности. Так, мертвые, а точнее особые злые духи «сонумс» (*sonums*)[*], выступают первопричиной заболеваний и различных увечий, происходящих с человеком. Как и подобает покойникам, они испытывают недовольство своим новым статусом, чувствуют беспокойство от недостаточного общения с миром живых и от этого вредят живым. Влияние *сонумс* на мир живых преображает любые процедуры лечения в ритуальное общение с мертвыми, их успокоение. Собственно, глав-

[*] Интересно, что Витебский как эмпатичный этнограф избегает перевода данного концепта в привычное западное «spirit», продолжая использовать этот несомненно более глубокий термин.

ное, что пытается показать здесь автор, это то, что мортальное – это не просто часть общей религиозной системы, но неотъемлемая часть мира сора, которую нельзя просто вытеснить. В этом их парадоксальное отличие от заложных покойников, известных нам из работ Дмитрия Зеленина: мертвый сора всегда неспокоен и вредит живым, в независимости от причин смерти и от того, как его похоронили. И именно это в итоге и интересует Витебского – как меняется эта система с кардинальной переориентаций большой части сора на новые религиозные ценности.

Теперь о баптизме. Массовое обращение к христианской деноминации среди сора произошло случайно. Однажды один из старейшин сора отправил своего 13-летнего сына на учебу к баптистским миссионерам с одной лишь целью – выучить язык. Это должно было помочь в обращении с документами и общении с местной администрацией, которая терзала сора большими налогами и постоянными коррупционными поборами (связанные с интенсивной вырубкой леса и уничтожением привычного ареала обитания сора). При этом сора не могли ничем ответить, так как не имели инструментов для проверки выдвигаемых им требований. Сын выучил английский и язык ориа[*] благодаря библейским текстам. Ветхий и Новый Завет были переведены на язык сора по ним этот молодой человек начал обучать своих соплеменников чтению и письму: как я сказал выше, язык сора до этого времени оставался скорее бесписьменным и местных представителей трайбла надо было для начала обучить чтению. В этом контексте, как подчеркивает Витебский, баптизм стал столь успешен именно потому, что он не только распространял тексты, но и вводил саму практику освоения письма и грамоты.

Возможность научиться читать и писать заинтересовала народ сора, который испытывал серьезные проблемы, как я сказал выше, связанные с неграмотностью: не только унижения (коррупция и серьезные уголовные обвинения) со стороны правительства и чиновников, но и, как полагают сора, со стороны духов и мертвых. Мертвым приписывалась злость на живых, которые не могут себя защитить и находятся на социальном дне. И здесь произошла интересная трансформация: многие сора, изучив язык и получив благодаря этому более высокооплачиваемую работу, в итоге «избавились» от дурного влияния мертвых. В качестве подтверждения правильной работы этой связи, грамотные сора приводят пример снижения заболеваний и мортальности среди детей. Как отмечает Витебский, произошло это, очевидно, в силу скорее экономических причин – грамотные сора стали больше получать и позволять себе лучшее питание, изменили бытовые привычки. Однако для самих сора это объяснение было связано с ослаблением влияния духов на

[*] Другой индоевропейский язык, на котором говорят около 35 млн жителей индийского штата Орисса; главным образом они и представляли местных чиновников и торговцев.

жизнь образованных сора. Таким образом, возможность повысить свой символический статус с помощью изучения нового универсального языка и освоения грамотности сыграла основную роль в бурном развитии баптизма и кардинальном пересмотре ритуалов прощания и общения с мертвыми.

Результатом баптизации сора стал отказ от общения с мертвыми для христианских неофитов. Баптизированные сора продолжали верить, как и другие соплеменники, что сам факт внимания к мертвым привлекает внимание *sonums*. Соответственно, если игнорировать беспокойных мертвецов, то они буду досаждать тебе гораздо меньше. Поэтому сора-баптисты свели до минимума траурную часть своей религиозной жизни, стараясь не выражать никаких эмоций на похоронах и не участвовать в прощальных ритуалах. Собственно, поэтому книга Витебского и носит название *Living without the Dead*. На мой взгляд, это потрясающий момент, указывающий скорее на инструментальность самой *баптизации* сора, чем на искреннюю их веру в религию и верность учения. То есть баптист сора полагает, что его умерший родственник находится *где-то там же*, где полагает и анимист сора, но избегание контактов с мертвым делает для него невозможным вредоносное влияние мертвецов[*].

Горевание у сора: баптизм и меланхолия Фрейда

Однако, как полагает Витебский (опираясь, очевидно, на всю богатую антропологическую традицию в лице Р. Гирца и А. Ван Геннепа), подобное *избегание* мертвых оказывается весьма травматичным для неофитов. Если горевание у анимистов сора доступно для фиксации и может быть понято и интерпретировано, то горевание баптистов сора скрыто и индивидуализировано и таким образом не выполняет свою важную функцию – помогать переживать утрату.

Здесь Витебский проводит серьезные параллели между тем, как складывается горевание у сора, и тем, как описано горе в культовом эссе Зигмунда Фрейда «Печаль и меланхолия», в котором основатель психоанализа описывал главные закономерности поведения людей, переживающих горе, – например, отрицание факта утраты, – и делал вывод, что горевание есть процесс смирения с новыми обстоятельствами. Центральным для Фрейда был тезис о спокойствии психики как ее нормативном состоянии: человек всегда стремится минимизировать остроту переживаний, а потому всё, что вызывает у него беспокойство и причиняет боль, подлежит устранению. В этом плане мысли об умершем человеке должны подвергаться вытеснению горюющими род-

[*] Даже любимые и близкие люди, умирая, становятся опасными, значит, необходимо максимально избегать с ними контактов.

ственниками. Как и Фрейд, Витебский делает акцент на важности связи между прошлым опытом (когда мертвый был живым) и его неожиданным, травматическим разрывов с настоящим (когда человек уже умер). Однако при этом, что интересно, главный акцент в построениях Витебского и Фрейда оказывается смещен. Если у Фрейда этот болезненный разрыв переживают *сами горюющие*, то у сора, к которым обращается Витебский, *сами мертвые*, которые страдают от своего нового статуса умерших. Собственно, поэтому *горевание* у Фрейда помогает живым смириться с новым статусом, а у сора горевание нужно мертвым, чтобы обрести покой.

На самом деле, этот момент видится мне довольно слабым в теоретизации Витебского. Все же понятно, что мертвые здесь являются своего рода способом переживания утраты среди самих сора: помогая мертвым, они помогают и себе, сепарируют живых от мира умерших и обретая новый статус. Функции остаются те же самые, но меняется форма. Зачем требуется вводить эти отсылки к работе Фрейда и гореванию как *психологическому феномену*? Вводится аксиоматическое утверждение о необходимости проживания горя, что совсем не очевидно для многих антропологов. Так, из работ Рэдклиф-Брауна мы знаем о специфике выражения эмоций и их связи с ритуалом и социальной функцией, а из работ Нэнси Шепер-Хьюз узнаем о не-оплакивании смертей младенцев в Бразилии в силу слабости социальных связей между матерями и младенцами. Поэтому, к сожалению, мотивация (и польза) Витебского от обращения к Фрейду остается не вполне понятной. В области социологии/психологии/антропологии горя с момента появления эссе З. Фрейда прошло огромное количество времени, за которое появились серьезные работы, в том числе и акцентирующие внимание на разрывах и рассматривающие болезненное горевание как многоуровневую попытку выстроить эту связь заново, вместо необходимости отказа от нее и выстраивания новых[*].

Возвращаясь к этой истории, мы видим, что наличие расхождений между активным гореванием (связью с мертвыми) и избеганием (разрывом связей) вполне логично приводит к конфликтам в семья сора, где есть и баптисты, и сторонники традиционного взгляда на мир. Главная проблема – недоверие и опасение со стороны анимистов к своим родственникам-баптистам, которые, что вполне ожидаемо, не будут оплакивать их будущую смерть и искать с ними упокоения. Собственно, эту заключительную часть книги Витебский оставляет для читателя открытой. Как следует из любой этнографии, мы сможем наблюдать результат этих сложных взаимодействий в будущем. Возможно, нас ждет трилогия?

[*] Подробнее обзор теорий горевания см: С. Мохов «История смерти. Как мы боремся и принимаем». М.: Individuum, 2020.

Стоит ли читать эту книгу? В книге Витебского есть несколько замечательных моментов, которые делают ее несомненно полезным источником для размышлений, причем как для социологов и антропологов, работающих с темой горя, так и для психологов, занимающихся этим вопросом. Первый момент: Витебский прекрасно демонстрирует, как устойчивые структуры способны к стремительным изменениями и адаптациям – это и религиозные представления, и архаичная обрядовая часть прощания с мертвыми у сора, которые меняются у нас на глазах. Второй момент: горевание во многом детерминировано социальными и культурными представлениями, а не только психологией и онтологической необходимостью переживать тяжелые эмоции, что, безусловно, известно уже большей части антропологов, но вряд ли найдется такой богатый этнографический пример этому тезису. При этом нельзя не сказать несколько слов и о самом этнографическом письме Витебского, которое он называет «нестандартной этнографией». Это смесь из глубоких и действительно крайне насыщенных описаний (могло ли быть иначе после более 30 лет наблюдений и размышлений?) вместе с личными переживаниями, воспоминаниями и постоянно меняющимися отношениями между принимающим обществом и наблюдателем. Как подчеркивает Питер Бергер в своей рецензии на книгу Витебского это позволяет проследить не только за эмоциональной реакцией этнографа, но и в какой-то мере понять его интеллектуальную траекторию: например, отношение Витебского к традиционному анимизму, его сопротивлению изменениям и само право на эту борьбу (Berger 2019).

И в конце буквально несколько слов о небольших упущениях. С одной стороны, как справедливо отмечает Пол Розенблат, в своей книге Пирс Витебский собрал чрезмерно много этнографической информации (о привычках питания, о способах возделывания земли и устройстве домохозяйств, образовании, интимной жизни), которая мешает следить за основной сюжетной линией повествования, которая все же раскручивается вокруг мертвых и меняющегося к ним отношения (Rosenblatt 2018). С другой стороны, о чем я уже говорил ранее, стоит принимать во внимание, что книга Витебского резонирует с его более ранней публикацией, Dialogues with the Dead: The Discussion of Mortality among the Sora of Eastern India (Cambridge University Press, 1993), в которой он больше уделял внимания анимистам, в то время как вторая книга посвящена второй половине комьюнити сора. В этом плане работу Витебского стоит рассматривать исключительно в контексте вообще его книг и развития как антрополога.

Тем не менее вторая книга Витебского о сора – это необычайно сильный и мощный пример того, как может писаться этнография в современной антропологии. Не зря Уолтер Элисон поставил ее второй книгой после «Печальных тропиков» в своем списке этнографических

текстов (Elison 2019). Надеюсь, что мое краткое введение в проблематику книги подвигнет читателя на знакомство с ней.

Литература

Berger P. review of: Vitebsky, Piers 2017: Living Without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos // Social Anthropology. 2019. № 27 (3). P. 579–580.

Elison W. Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos. Piers Vitebsky. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 pp. // American Ethnologist. 2019. № 46. P. 118–119.

Rosenblatt P. From interacting intensely with the dead to ignoring them // Death Studies. 2018. № 42:9. P. 604–606.

Мохов С. История смерти. Как мы боремся и принимаем. М.: Individuum, 2020.

Мохов Сергей Викторович
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 22 февраля 2021 г.

Mokhov Sergey V.
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: svmohov.hse@gmail.com

Avoiding the dead

Review of Vitebsky P. *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 p. ISBN-13: 978-0-226-47562-2
DOI: 10.17223/2312461X/31/11

References

Berger P. Review of: Vitebsky, Piers 2017: Living Without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos. *Social Anthropology*, 2019, no. 27 (3), pp. 579-580.

Elison W. Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos. Piers Vitebsky. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 pp. *American Ethnologist,* 2019, no. 46, pp. 118-119.

Rosenblatt P. From interacting intensely with the dead to ignoring them. *Death Studies*, 2018, no. 42:9, pp. 604-606.

Mokhov S. *Istoriia smerti. Kak my boremsia i prinimaem* [The history of death. How we cope and accept]. Moscow, Individuum, 2020.